

Г. В. Вернадскій. Опытъ исторіи Евразіи съ половины VI вѣка до настоящаго времени. Изданіе евразійцевъ. Берлинъ, 1934. Стр. 187.

Книга Г. Вернадскаго ставитъ себе целью изложеніе исторіи «Евразіи», понимаемой, какъ нѣкое культурно-историческое целое. Сама «Евразія» при этомъ рисуется автору «въ смысле особаго географическаго Міра, обнимающаго собой восточную часть Европы и северную часть Азіи».

Задача подобнаго рода, если она вообще достижима, требуетъ исторіи «большого стиля», т. е. соединенія строгаго и точнаго анализа съ широкимъ убѣждающимъ синтезомъ.

Самый размеръ «Опыта» при наличіи количественно трудно-обозримаго историческаго матерьяла исключаетъ всякую возможность сколько-нибудь детальнаго анализа ОТДѢЛЬНЫХЪ фактовъ или же проверки тѣхъ или иныхъ научныхъ утвержденій. Книга Г. В. Вернадскаго по необходимости представляетъ изъ себя не более какъ конспектъ, конечно, далеко не полный и, по временамъ, утомительный. Между темъ, — и въ этомъ необходимо отдать полную справедливость автору, — «Опытъ исторіи Евразіи» своимъ содержаніемъ съ несомненною свѣдѣтельностью и о его большой эрудиціи и о его научномъ вкусе

Если историческій матерьялъ, заключающійся въ книге, при всей своей отрывочности, неполноте и конспективной формѣ изложенія, въ конце концовъ все же дѣлаетъ ее интереснымъ и полезнымъ справочникомъ, то, съ другой стороны, выводъ автора, его конечный синтезъ, нельзя не признать весьма неубѣдительнымъ. Изложить исторію «Евразіи» въ видѣ культурно-историческаго блока автору не удалось.

Большая часть книги посвящена изложенію ОТДѢЛЬНЫХЪ историческихъ процессовъ, происходившихъ по разнымъ угламъ «Евразіи», и, какъ географически, такъ и по существу, другъ съ другомъ не связанныхъ. Нельзя, конечно, признать доказательствомъ этой связи встрѣчающіяся по временамъ указанія автора на отдѣльныя, то слишкомъ мелкія, то, напротивъ, слишкомъ общія, черты внутренняго «сходства» тѣхъ или иныхъ разсматриваемыхъ имъ явленій.

Рѣшительнымъ исключеніемъ въ мозаичной структурѣ книги могъ бы, казалось, явиться рассказъ объ имперіи Чингисхана и его ближайшихъ преемниковъ, включившей въ свой составъ значительнейшую часть территоріи «Евразіи» и местами даже перешагнувшей черезъ ея пределы. Однако въ изложении автора и этотъ, столь существенный для евразійской теоріи, историческій моментъ представленъ только съ его внешней стороны. Даже приблизительной картины «культурно-историческаго» блока, принявшаго историческую форму Монгольской имперіи, авторъ не даетъ. Въ оправданіе его можно, пожалуй, сказать, что врядъ ли такую картину и можно было бы вообще дать. Въ конечномъ счетѣ границы Монгольской монархіи были проведены силой оружія. Несомненно также, что въ имперіяхъ Римской или же Александра Македонскаго, охватившихъ собой части Европы.

Азии и Африки при явномъ отсутствие того, что евразійцы признають замкнутымъ въ себе «мѣсторазвитіемъ», внутреннее культурное единство въ конце концовъ сделалось большимъ, чѣмъ въ имперіи Монгольской.

Писать «исторію Евразіи», какъ цѣлаго, по меньшей степени еще преждевременно. Необходимо предварительно установить евразійскій характеръ одного изъ главнѣйшихъ слагаемыхъ и движущихъ факторовъ «евразійская» процесса, именно, Россіи. До сихъ поръ этого не сделано, и нѣтъ еще солидныхъ признаков*, указывающихъ на то, что это когда-либо будетъ сдѣлано. На лицо въ этой области имѣются пока или чисто теоретическія умозаключенія или же далеко неубедительные опыты, вроде «Начертанія русской исторіи», въ свою очередь принадлежащаго перу Г. В. Вернадская. Частыя ссылки въ «Опыте исторіи Евразіи» на «Начертаніе русской исторіи» не только поэтому не подводятъ надлежащаго научнаго фундамента подъ «Опытъ», въ части, касающейся русская прошлая, но скорей, напротивъ, свидѣтельствуютъ о некоторой хрупкости всего построения.

Къ числу недоказанныхъ постулатовъ относятся даже столь существенныя заверенія автора разбираемой книги, что киевскій князь Святославъ «продолжаетъ традиціи гунновъ и аваровъ; золотоордынскіе ханы продолжаютъ линію Святослава; после паденія Византіи и укрѣпленія Москвы, русскіе цари, а затемъ всероссійскіе императоры продолжаютъ дѣло золотоордынскихъ хановъ». Изъ этого утверждения особенно ясно видно, какимъ Прокрустовымъ ложемъ является для русской исторіи евразійская точка зрѣнія. Если даже допустить, что походы Святослава на востокъ диктовались не грабительскими инстинктами, а соображеніями высокая порядка, то все же нельзя забывать, что съ 967 г. Святославъ вообще потерялъ всякій вкусъ къ «Евразіи» и намеревался обосноваться за ея пределами. Равнымъ образомъ и крупнейшій изъ московскихъ царей, Иванъ Грозный, со всей свойственной ему энергіей стремившійся къ завоеванію береговъ Балтійскаго моря, вопреки темъ, кто советовалъ ему овладеть Крымскимъ ханствомъ, явно нарушилъ все евразійскіе каноны. То же произошло и съ крупнейшимъ россійскимъ императоромъ, Петромъ В. Г. В. Вернадскій не можетъ, конечно, не признать, что «Петръ, какъ въ свое время Иванъ Грозный, отвлекся отъ Востока для Запада», но онъ примиряетъ эти факты со своей теоріей тѣмъ, что характеризуетъ политику обоихъ государей, какъ ошибочный и едва не погубившій русское государство отказъ отъ более широкихъ и заманчивыхъ перспектив*. При свѣтѣ данныхъ позднейшая историческая опыта, весьма наглядно подтвердивших*, что завоеваніе береговъ Чернаго моря сделалось для Россіи практически осуществимымъ только къ концу XVIII в. и что, съ другой стороны, окно, прорубленное Петромъ въ Европу, не удалось заколотить даже большевикамъ, нужно обладать, очевидно, совершенно специфической евразійской интуиціей для того, чтобы политику Ивана IV и Петра I признать исторически ошибочно!!.

Въ результатѣ, только апіорно-теоретическій подходъ автора къ историческимъ фактамъ и придасть моментами его «Опыту исторіи Евразіи» известную видимость внутренняго единства. Но историческая теорія убедительна только тогда, когда она строится на историческихъ фактахъ, а не тогда, когда она явно стремится надъ ними господствовать.

Факты, приводимые авторомъ въ его книге, сами по себе скорей свидѣтельствуютъ, что на интересующей его территоріи, помимо местныхъ историческихъ процессовъ, развертывалась не исторіи «Евразіи», какъ некоего цѣлостнаго культурно-историческаго блока, а шла вековечная борьба Европы и Азіи, сопровождавшаяся въ известной мере и ихъ также извѣчнымъ взаимопроникновеніемъ. На стыке двухъ міровъ это взаимопроникновеніе было естественно особенно замѣтнымъ. «Миссія» Россіи состояла не въ томъ, что къ ней перешла гегемонія въ «Евразіи», а въ томъ, что въ борьбе между Европой и Азіей ей суждено было явиться европейскимъ авангардомъ.

«Миссію» свою, худо ли, хорошо ли, Россія выполнила. Настоящая, подлинная, безоговорочная Азія начиналась тамъ, где кончалась граница Россіи.

Д. М. Одинецъ.

Ген. Н. Головинъ. Къ чему идетъ Великобританія? Стратегическое наслѣдованіе. Рига, 1935.

Новая, только что появившаяся работа ген. Н. Н. Головина о британской имперіи имеетъ подзаголовокъ — «стратегическое изслѣдованіе». На самомъ дѣлѣ содержаніе изслѣдованія ген. Головина гораздо шире и глубже своего подзаголовка. Изучая строеніе «вооруженной мощи» Великобританіи, авторъ — ученый военный специалистъ — даетъ почти исчерпывающую картину структуры Британской имперіи и ея международной «реальной политики». «Война есть продолженіе политики, но иными средствами», — напоминаетъ Н. Н. Головинъ известную фразу ген. Клаузевица. Эти «иные средства» политики и раскрываетъ намъ стратегія.

Изследуя строеніе и задачи морской, сухопутной и воздушной мощи Британской имперіи, авторъ даетъ намъ чрезвычайно яркую картину нынѣшней механизированной и индустриализированной военной силы. Главы, посвященныя этому, казалось бы, специальному вопросу, читаются съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, какъ и политико-стратегическіе выводы, къ которымъ приводитъ автора анализъ строенія и распредѣленія вооруженныхъ силъ Великобританіи. Не буду касаться, за недостаткомъ мѣста, главъ, посвященныхъ арміи и флоту. Здесь мы находимся въ области более или менее всемъ известной и привычной. Нужно только подчеркнуть для многихъ, можетъ быть, неожиданный выводъ автора о томъ, что сейчасъ Британская имперія обладаетъ среди великихъ державъ «потенціаломъ» самой могущественной сухопутной арміи, а не только флота.

Изслѣдованіе же строенія и задачъ воздушной военной мощи Ве-